

Паранормальное в безлюдной глуши

Евгений Павлов-Сибиряк

Евгений Павлов-Сибиряк

Паранормальное в безлюдной глуши

<https://litres.ru/74158169>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тайга не прощает глупостей и самоуверенности. И хранит много тайн и загадок. В этом сборнике — не выдумки, а хроники столкновений с тем, чему часто нет названия. Геологи, охотники, туристы, грибники — люди трезвого ума — рассказывают непостижимые вещи. Например, о том, как просека исчезала вместе с трактором, а следы вели в никуда. Как компас водил по кругу, пока не поняли: пространство согнулось в петлю. Здесь есть истории о «провалах» во времени, о призрачных голосах в радиоэфире из заброшенного посёлка, о старике без следов, уводящем за собой в чащобу на шесть часов. О дубовых листьях, принесённых из несуществующего леса. О ползущем живом камне. О том, что происходит, когда человек забывает поздороваться с Лесом, и Лес наглядно и доходчиво напоминает о себе.

Вы держите в руках не книгу страшилок. Вы держитесь за ручку двери. За ней — безлюдная глушь, в которой прячется

неизвестное. Непредсказуемое. Жуткое. Добро пожаловать.
Обратной дороги нет.

Содержание

Пролог	5
Таинственный водораздел	8
Живой камень или Встреча с загадочным феноменом	21
Провал или Четыре страшных часа из ноября	27
Хиус. Полевая запись	34
Необъяснимая аномалия, или Случай на осенней охоте	40
Таинственный радио-сеанс в глухомани	46
Тайна загадочной заводи	51
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Евгений Павлов-Сибиряк

Паранормальное в безлюдной глуши

Пролог

Дорогие читатели! Перед вами очередной сборник из серии «Неведомое». Рассказы в нём написаны по реальным историям, общая природа которых такова: это не привычные сюжеты с завязкой, кульминацией и развязкой. Нет. Это – в основном, отдельное наблюдение, живой, непредсказуемый кусок жизни, вырванный из её плотной ткани. Чаще всего такие истории обрываются там, где люди привыкли ждать объяснения, и начинаются там, где, казалось бы, не было причин. Ни привычного «жили-были», ни логичного «и вот наконец». Просто – фрагмент. Без начала, без конца, без чёткого сюжета. Но все истории поразительные, шокирующие, ошеломляют своим непредсказуемым содержанием.

И сразу предупреждаю, чтобы не было потом недомолвок. Все события, описанные в этой книге, можно разделить на две группы. Первая – то, отчего стынет кровь и волосы шевелятся на затылке. Явления, феномены, происшествия, для которых учёные мужи, даже если захотят, не могут дать од-

нозначных объяснений. Возможно, пока не могут. Полтергейст, призрак в таежной избе, голос из пустоты – это всё отсюда. Такие истории не вписываются в привычные представления о мире. Но они случаются. И отрицать их – было не верно. Хотя, верить или не верить – дело личное.

Вторая группа – случаи иного рода. На первый взгляд – тоже жуть, тоже сердце в пятки. Но потом, если покопаться, если не лениться искать ответы, выясняется: за этой жутковатой историей стоит самая что ни на есть земная, научно подтверждённая причина. Просто она мало кому известна. Не потому, что её скрывают, а потому, что она лежит за пределами житейского опыта. Такое бывает – страшно, но объяснимо. Правда от того, что у явления есть своя физика или биология, легче оно не становится. Страх ведь не спрашивает, есть у тебя соответствующий диплом или нет.

Оба этих типа событий включены в сборник без скидок и поблажек. Потому что главное здесь – не ярлык «научное» или «ненаучное». Главное – сама история. И то чувство, которое она оставляет в душе, когда ты её проживаешь вместе с теми, кто всё это на самом деле видел, слышал, пережил.

А теперь – ближе к делу.

Достоверный рассказ, как показывает практика, – это либо личное переживание человека, который сам оказался в гуще необъяснимого, либо кусочек чужой жизни, случайно подсмотренный и запомнившийся навсегда. Человек – один или вместе с другими – случайно делает наблюдение, или с

ним происходит происшествие, которое не лезет ни в какие привычные рамки. Факт события – вот он, перед глазами. Отмахнуться нельзя. А вот объяснить – часто не получается.

И тогда рождается история. В ней нет выстроенной драматургии. Нет «хорошо забытого» детективного сюжета, где все ниточки в конце сходятся. Здесь – только то, что было на самом деле. Со всеми нестыковками, с недосказанностью, с тем зыбким чувством, когда внутри холодеет, а разум твердит: «Этого не может быть».

Но, как показывает жизнь – может. И это, как известно из сотен таких свидетельств, случается сплошь и рядом.

Всё, что вы прочитаете дальше, – не выдумка. Это – сырая, не подкрашенная реальность. Сохранившаяся в памяти тех, кто готов был ею поделиться. А я, со своей стороны, постарался передать её без прикрас, но и без ущерба для той самой тайны, которая, как свежий след на снегу, манит читателя вглубь.

Добро пожаловать в мир, где чудесам часто нет объяснения. И где они от этого становятся только реальнее.

Таинственный водораздел

Наша сибирская тайга – это безграничный мир дикой природы, который удивляет, вдохновляет, порою пугает, но неизменно заставляет относиться к себе с большим уважением. Это мир, живущий по Уставу, написанному не людьми, а временем, природой, и неведомыми силами. Тайга надёжно хранит много забытых неразрешимых загадок и невероятных тайн. И некоторые из этих тайн – не просто секреты. Это строгие заветы, предупреждения ныне живущим. Оставленные теми, кому повезло вернуться из-за запретной черты.

За долгие годы, которые провёл, преодолевая непролазные чащобы, горные перевалы, топкие мари, ночуя в зимовьях и на берегу чистых рек, со мной происходило много интересных случаев, и ряд из них запомнились своей таинственностью и необъяснимостью произошедшего. Расскажу вам немного про довольно необычное приключение, в которое угодил, нарушив строгий запрет своих славных предков. И этот поступок перевернул моё понимание мира, оставив в душе глубокий, холодный след, который не согревают даже самые жаркие костры. Это, так сказать, присказка, а далее – суровая быль.

В тайгу я начал ходить ещё в своём далёком детстве вместо детсада. Постоянно посещал её увлекательные уроки. Моим воспитанием занимались мудрые таёжники, охотни-

ки-промысловики – дед с отцом. В буквальном смысле слова оба являли собой кладезь таёжной мудрости. Чистые и светлые люди, с широкой душой, не загаженной всевозможными пороками, которые поработили многих городских жителей.

Я хорошо помню деда – сухого, жилистого, с руками, покрытыми сеткой глубоких шрамов. Его лицо, изрезанное морщинами, как кора старой лиственницы, всегда хранило спокойствие, но глаза – серые, пронзительные, как небо перед грозой – видели то, что скрыто от других. Он редко улыбался, но, когда это делал, морщины разбегались тёплыми лучами, и становилось понятно: в этом суровом человеке живёт добрая, глубокая душа. Отец был под стать ему – кряжистый, молчаливый, но каждое его слово весило больше, чем иной длинный монолог городского жителя.

Большинство полезных, необходимых для выживания знаний получил в процессе общения с ними. Они постепенно и наглядно приучали к особенностям таёжного бытия: хотели, чтобы я по их стопам пошёл, продолжил непростое семейное дело. Дескать, охотничье ремесло завсегда было хорошим, хотя и трудным занятием для настоящего мужчины. Но это «занятие» было не работой. Это было служение. Служение истинному хозяину леса, с которым они заключали негласный договор: брать ровно столько, чтобы жить, и отдавать – уважением, памятью, соблюдением законов.

Ещё мальчишкой научили меня распознавать птичьи да звериные следы, знать повадки зверья, в любой ситуации

разводить огонь, обустривать лагерь. Прокладывать путь без компаса и карт, а по солнцу да звёздам, ведь у настоящих таёжников в голове имеется своя карта. Она вытравлена в подкорке памятью и чувствами: где пахнет сыростью – там родниковый ключ, а где сердце замирает без причины – там нужно свернуть, не глядя. Идут настоящие таёжники по ней, не сбиваясь с пути, особым чутьём определяя направление и угадывая поджидающие опасности.

Однажды, указав на ночное небо, густо усеянное яркими созвездиями, дед показал мне среди них Большую Медведицу и Полярную звезду, сверкавшую ярче всех остальных ночных свечек. Сказал: «Запомни, внучок, эту звезду хорошенько, она всегда приведёт тебя домой». «Домой» – это было не просто к порогу избы. Это было в мир людей, в тепло, в реальность.

Советы давали дельные и практичные: «Любого зверя или птицу просто так бить нельзя. Хариуса, тайменя лови столько, сколько для жизни надо, не больше. Нашел золотой корень, если сам или кто-то из близких болеет, тогда возьми, а так не тронь, пусть растёт, и без него много лечебных травушек имеется. Нашёл золотишко – пусть лежит, не связывайся, беду приносит. А будешь безобразничать, так тайга может и наказать. Перед тем как зайти в тайгу, запомни, с какой стороны светит солнце, чтобы на выходе оно было, с другой стороны. Решил, что заблудился, – не паникуй, не мечись понапрасну. Присядь на пенёк, отдохни, перекури, успокой-

ся и только тогда принимай решение. Лесных даров не бери, дичи не бей больше, чем надо».

Это был моральный кодекс, свод правил совместного проживания с гигантским, могущественным соседом. «Тайга, – любил повторять дед, – как женщина. Её надо любить, уважать, но никогда не переступать черту, которую она сама провела. Переступишь – загинешь, пропадёшь, и никто не найдёт».

Я совсем малым пацаном был, но хорошо помню, как дед заповедал строгий наказ ни в коем разе не посещать одно место. Когда это произошло была золотая осень, а мы отправились с ним проверить зимовья на охотничьих угодьях перед началом промыслового сезона. На календаре была середина сентября, бабье лето в самом разгаре, откуда-то летели подгоняемые тёплым ветром лёгкие серебряные паутинки, в чистейшем воздухе чувствовались родные, ничем не передаваемые ароматы, которые ни с чем не спутать и невозможно позабыть.

К полудню прошли половину пути, по дороге добыв пару рябчиков. Дед подстрелил их ловко, почти не целясь, – его старая, выдавшая виды двустволка глухо ухнула дважды, и птицы упали в высокую траву, даже не встрепenuвшись. Остановились на берегу лесной речушки, неспешно несущей свои чистые воды куда-то на север. Вода в ней была тёмной, почти чёрной на глубине, но на просвет, если зачерпнуть ладонью, – прозрачной, как слеза. Решили отдохнуть, пообе-

дать.

Вскоре полным ходом шёл процесс приготовления первой осенней похлёбки из добытой дичи. Этим важным занятием заведовал дед, колдуя над закопчённым котелком, из которого растекались умопомрачительные запахи. Это был запах самой жизни, простой и настоящей. Дед умел творить из простых продуктов нечто такое, что заставляло даже сытого человека облизываться. Мне же была поручена черновая работа: ошипать, разделать свежедобутую дичь, почистить лук, помыть зелень. Помню, похлёбка удалась на славу. Наваристая. Впрочем, как всегда.

Потом пили густой, с дымком, чай, отдыхая перед продолжением пути. Дед сидел на лапнике, скрестив ноги кренделем, слушал не надоедающую мелодию огня, иногда шевелил толстым прутом угли в кострище, курил ядовитую самокрутку, от дыма которой увесистые комары на лету падали в глубокий обморок.

День с утра был пасмурным. Небо затянули плотные, свинцовые облака, и казалось, что они вот-вот разродятся холодным дождём. Но, вопреки предчувствиям, неудержимое солнце прорвалось сквозь угрюмые облака, осветив вдали серые вершины водораздела, который до этого момента прятался в тени. Он показался мне зубчатым хребтом какого-то исполинского, спящего чудовища. И тогда дед, уже задушивший костёр, вдруг замер. Его рука, державшая тлеющий прут, на мгновение зависла в воздухе. Он долго, при-

стально смотрел в ту сторону, и в его взгляде мелькнуло что-то такое, отчего у меня, даже не понимающего причины, мурашки поползли по спине. И тут дед ткнул концом прута в его направлении, выпустил очередную порцию едкого дыма и хрипло сказал: «Запомни, внучок, раз и навсегда: не вздумай ходить к вершине этого водораздела». Фраза повисла в воздухе, тяжёлая, как свинец. Это был не совет. Это был зарок. Заклятие.

Я всегда был любопытным мальчишкой, и любое «нельзя» разжигало во мне огонь желания. Конечно, поинтересовался, почему туда нельзя? Ответ был краток: нельзя и всё, слушайся, иначе загинешь. В его глазах, обычно спокойных, как вода в омуте, мелькнула тень. Не страха. Предостережения. Знания, которое лучше не знать.

Затем, по возвращении домой, я уже отца всё пытал: почему? Но предки мои мужики суровые были, нельзя и всё, отстань, займись лучше делом. Их солидарность была пугающей. Они охраняли не место, а меня. Но вот от чего – не говорили.

Прошли десятилетия. Я вырос, стал успешным охотником. Женился, родились сыновья, я учил их тому же, чему учили меня. Но часто в ясную, солнечную погоду я заворожено смотрел на виднеющиеся там далеко величественные вершины. Они манили меня. Нет, не золотом, не дичью, а чем-то иным, неизведанным. Они стояли там, у горизонта, молчаливые и вроде бы безобидные, но в их молчании мне

чудился вызов. «Ты не знаешь, что там, – говорил внутренний голос, – Может быть, там просто камни, а может – найдешь ответы на вопросы, которые никто не смеет задать». Меня тянуло туда словно магнитом. Любопытство – червь, точащий разум. Оно шептало: «Ты же уже не мальчишка, а взрослый мужчина. Ты знаешь тайгу. Ты сможешь». Это был голос напористой гордыни, и я не смог устоять.

В свои зрелые года, когда уже у самого подрастал старший сын, всё же надумал сходить туда, интересно же. Конечно, понимал, что поступаю наперекор завету, но само это нарушение пьянило. «Я проверю, – думал я, – просто проверю. Вдруг дед ошибался, или его предупреждение относилось к тем, кто был слабым неумехой?» Решил отложить все важные и срочные дела и, собрав необходимые вещи, отправился в путь. Собираясь, чувствовал тихую внутреннюю дрожь, не страх, а волнение нарушителя, который вот-вот переступит священную запретную черту.

Со мной было две хорошо обученные восточносибирские лайки, оружие, небольшой запас продуктов, думал путь туда-сюда, максимум дня три займёт. Собаки были моей гордостью – умные, опытные, они безошибочно чуяли зверя, знали, как с ним поступить и всегда знали дорогу домой. Не могу сказать зачем, но взял я в тот раз старый компас. Дедовский, ещё первого советского выпуска, с потемневшей от времени шкалой. Сын остался дожидаться меня в избе, построенной возле нашего путика.

Отправился в путь навстречу неизвестности рано, сразу после рассвета. Тоже стояла золотая, но дождливая осень. Небо было затянуто, и мелкий, колющий дождик моросил с самого утра, превращая тропу в скользкую кашу, но я шёл, не сбавляя шага. Меня вело упрямство.

Уже к вечеру добрался до намеченной точки. Огляделся, вроде рядовое место, протяжённый гребень горы, источник нескольких рек, обычные покатости да уклоны рельефа, по которым в разные стороны текут небольшие водные потоки, кругом валуны, отвесные прижимы, скалы. Чуткие собачки бегают рядом челноками, гавчут, как обычно. Вот только эхо мне показалось странным, со всех сторон возвращается. Оно запаздывало, искажалось, будто звук бежал не по воздуху, а по какому-то извилистому лабиринту, и возвращался уже чужим.

Солнце на западе уже скатилось за гребень отдалённого леса, скрываясь в чаще перемешавшихся стволов деревьев и их теней. Опустились сиреневые сумерки. Ещё не темно, но предметы в отдалении уже потеряли свои чёткие очертания. Камни стали казаться серыми, призрачными, похожими на лежащих в ожидании зверей. Стало прохладно. Дневные звуки тайги постепенно затухли, мои собачки тоже как-то притихли. Они сидели, уткнувшись мордами в сторону леса, и лишь изредка поводили ушами, ловя то, чего не слышал я. А тишина здесь была не такой, как в обычном лесу. Она угнетала, давила.

Заночевали возле костерка. А проснувшись поутру, я понял, что не узнаю местности, не знаю, куда идти. Ландшафт вокруг изменился фундаментально, как будто за ночь кто-то переставил декорации. Вчера недалеко от моего лагеря была тайга, сейчас кругом одни лишь мрачные скалы. Небо затянуто плотной серой мглой, из-за которой не может пробиться главный дневной ориентир – солнце. Вроде логично идти вниз по ближайшей речке, но она в сыпуху, в россыпь-курумник ушла, да и уверен, накануне я не передвигался здесь. Техника хождения по курумнику (его часто называют каменная река) не так проста, как может показаться на первый взгляд. Нетренированному человеку там легко получить растяжение или тяжёлую травму при падении на камни. Я-то знал это не понаслышке, но даже мой опыт казался бесполезным: камни были не просто скользкими – они словно плыли под ногами, меняя положение, и я то и дело оступался, цепляя сапогами острые грани.

Промысловый охотный стаж у меня уже был немалый, а всё-таки сплеховал, заблукал, как городской пацан. Вокруг монотонная местность, никаких чётких ориентиров нет. Небо в тучах, угрюмые скалы нависают, морально давят. Как я среди них очутился, не понимаю. В какой-то момент не по себе стало. Здесь было слишком тихо. Слишком неподвижно. Воздух стал гуще, тяжелее дышалось, будто я забрался в огромный, каменный мешок, и кто-то медленно затягивает горловину. Не понимал, куда нужно идти. Я вспом-

нил дедовы слова: «Если сердце замирает без причины - от этого места нужно свернуть». Но сердце моё замирало в каждом направлении.

Достал старый компас, глянул и от удивления рот открыл, а стрелка-то кругами быстро вращается, как секундная на часах! Магнитный полюс здесь явно был не там. Или здесь не было полюса вообще. Я потряс прибор, постучал по стеклу – бесполезно. Стрелка металась, как загнанная птица, не желая успокаиваться. В тот миг впервые остро, до звона в ушах, понял: я здесь чужой. Это место нам не радо, но и не отпускает. В общем, попал в какую-то непонятку. «Дело нечисто, - пробормотал я вслух, и мой голос, отскочив от скал, вернулся хриплым, чужим эхом. - Очень нечисто».

Пошёл мелкий дождь, понижая моё нерадостное настроение. День ещё по неприветливым камням блукал. Как учили предки, не паниковал, не метался по сторонам, отдыхал, старался принять взвешенное решение. Но решения не было. Каждый новый маршрут заканчивался тупиком в скалах или обрывом в туманную пустоту. Это место не просто сбивало с толку. Оно играло с нами. Мы словно оказались перед исполинским, бездушным организмом, который рассматривал нас через щели между камнями, оценивал, решал – съесть сейчас или оставить на потом. Когда опустились сумерки, а затем стемнело, мы с лайками так и не смогли выйти из ловушки, из этого гнетущего каменного мешка.

Снова там беспокойную ночь пришлось провести. Всё

время казалось, что кто-то из темноты пристально, не по-доброму смотрит. Ружьё под рукой держал, готовый в любой момент нажать на спусковой крючок. Но в кого стрелять? В пустоту? В собственный страх? Собаки тоже были чем-то сильно встревожены. Всю ночь ко мне поближе жались, шерсть стояла дыбом, то и дело тихо, надрывно рычали в темноту.

Крепко я тогда задумался. А поутру сразу собак на прочную сворку пристегнул. Вспомнил, как дед с отцом учили: ежели совсем выхода нет, так хоть им доверься. Помогут. В тот момент я понял всю глубину их мудрости. Человек полагается на разум, на карты, на приборы. А собаки - чувствуют мир кожей, носом, сердцем. Они те, кто не сбивается, потому что идёт не к цели, а домой. Доверился своим напарникам. Сказал: «Домой!» И они потянули. С отчаянной, почти панической силой, будто чувствуя, что, если замедлим шаг, каменные стены снова сомкнутся. Они шли не по прямой - петляли, останавливались, принюхивались, но каждый раз выбирали направление, которое казалось мне абсолютно нелогичным. Но я шёл за ними, уже не размышляя, уже не сомневаясь, просто доверяя, как верил в детстве своему деду.

И ведь вывели меня собачки, хотя совсем не туда, откуда заходили, но в знакомые места вывели. Когда увидел знакомый, приметный кедр с раздвоенной вершиной, мне показалось, что заново родился. Я опустился на колени, обнял

собак, и они, виляя хвостами, тыкались мне в лицо мокрыми носами, словно говорили: «Мы тебя вытащили, дурачина ты этакий!» Как только мы спустились с того проклятого водораздела, глянул я на компас, стрелка замерла, указав на север с покорностью исправного механизма. Порча закончилась. Но в душе остался осадок - густой, липкий, как болотная трясина.

Вскоре до избы дошли, где сын дожидался, дрова заготавливал, крышу чинил, щели меж брёвен мхом набивал. Он был похож на меня в молодости – такой же широкоплечий, с такими же внимательными глазами. Увидев нас, обрадовался, на мгновение замер, а потом бросился навстречу, и я с удивлением заметил, что он бледен. А потом и спрашивает, где, мол батя пять суток-то носило?

Пять суток? Пять! Конечно, удивился такому вопросу, ведь точно знаю, ночевал-то на вершине всего две неуютные ночи. «Сынок, – переспросил я, – ты уверен?» – «Да ты что, батя, я каждый день на крыльцо выходил, ждал. Ты ушёл в понедельник, а вернулся сегодня – в субботу. Пять дней!» Тут у меня в голове щёлкнуло. Я пропал. На целых три дня пропал из времени. В эти мгновения мир вокруг меня словно качнулся, и я вдруг остро понял, что тайга не только хранит секреты – она умеет перекраивать реальность. Как нож, она режет ткань времени, и человек, попадая в её складки, выпадает из привычного потока. Я мог бы остаться там навсегда. И никто бы не узнал.

Смолчал я тогда. А что мог сказать? Что потерял трое суток в каменном мешке, который, возможно, и не существовал в нашем времени? Мог бы рассказать о том, что мы пережили, но какой смысл? Сын бы, скорее всего, не поверил, или, что хуже, – поверил бы и решил бы сам проверить, как это сделал я.

Но потом строго-настрого наказал сынам и внукам никогда не ходить на тот водораздел. Беда поджидает, как верно говорил мой дед, там можно загинуть. И он это точно знал, видно, не все с той загадочной вершины смогли вернуться. Я подумал о тех, кто не вернулся. О том, что их, возможно, тоже манил этот молчаливый зов, и они шагнули в него безвозвратно. Их имена остались в памяти родных, но само место – оно забрало их в свою глубину, как вода забирает утопленника. И я теперь это знаю. Знанием, въевшимся в кости холодом тех двух ночей и потерей трёх дней жизни. Этой ценой приобрел право повторить завет деда: «Не вздумай ходить». И теперь в моих словах, как когда-то в словах деда, звучит тот же оттенок - не угрозы, а горькой истины. И когда я смотрю на сына, который иногда задумчиво глядит в сторону того водораздела, я повторяю слова деда, и добавляю: «Не потому, что тебе нельзя. А потому, что ты нам нужен. Живым».

Рассказ по мотивам истории, которой поделился читатель с ником Костя Ланг.

Живой камень или Встреча с загадочным феноменом

Я очень благодарен судьбе за то, что довелось наблюдать огромное количество неповторимых рассветов и закатов в довольно безлюдных местах: в суровых горах, дремучей тайге, на непроходимых болотах, берегах красивых рек. Там, где цивилизация - лишь слух, а истинными хозяевами являются ветер да тишина, длящаяся тысячелетиями. И могу смело утверждать, что с активными людьми, которым невыносимо находиться долго на одном месте, очень много интересного случается. Такого, с чем вряд ли столкнётся обыкновенный городской житель. Ибо такой человек ходит по асфальту, а мы – по самой коже планеты, и порой эта кожа вздрагивает, открывая проходы в иные, неведомые слои реальности.

Я так по своим знакомым и себе лично сужу. Мой жизненный путь нельзя назвать скучным, да и вряд ли он может быть иным у опытного геолога. Более чем за 20 лет полевых экспедиций столько было невероятного, что можно не одну толстую книгу написать. В целом необычности делятся на несколько групп: встреча с редкими животными; знакомства с необычными людьми (в частности, со староверами, шаманами); невероятные спасения в критических ситуациях; удивительные находки седой древности; необъяснимые физические

ские явления (в том числе НЛО). Но случай, о котором хочу рассказать, стоит в этом списке особняком. Он не громкий, не драматичный. Он тихий. И от этого – не менее таинственный.

Однажды мне в своей геологической практике удалось, или посчастливилось, повстречаться с «живым камнем». Было это более двадцати лет назад в незабываемой республике Тува. В краю, где небо настолько близко к земле, что кажется, будто его подпирают острые пики Саян, а воздух прозрачен и густ, как старый, выдержанный кумыс. В красивом краю, богатом водными ресурсами: глубоководными реками, неисчислимыми озерами ледниково-тектонического происхождения, неподвижно-холодными болотами, подземными водами, высокогорными ледниками.

Местная природа впечатляет своим многообразием, степи и пески здесь соседствуют с горами и чистейшими реками, коих здесь более двух тысяч. Это территория бесконечных степей, бескрайних лесов, красивейших гор, чистейших озёр. Край контрастов, где безмятежная гладь озера может в один миг почернеть от налетевшей с перевала бури, а тишину прорежет не крик птицы, а далекий, как эхо из прошлого, гортанный напев тувинского хоомея. Находясь здесь, воистину понимаешь, как же мал человек и огромны обступающие его бескрайние пространства. Во многих районах населенных пунктов почти нет, в особенности вдали от рек. В общем, знакомство с этим краем оставляет неизгладимые

впечатления, которые невозможно передать словами, чтобы понять - надо там быть!

Ну так вот, незабываемая встреча с «живым камнем» произошла в окрестностях озера Оюктаар-Холь. Вокруг этого большого водоема лежала черновая тайга, за ней располагались величественные горы. Наша геологоразведочная партия тогда стояла лагерем рядом со старинной деревней староверов, располагавшейся в устье реки Сарыг, вытекающей из вышеуказанного озера. Староверы смотрели на нас, на геологов, со сдержанным любопытством и легким неодобрением. Их мир был выстроен по иным, незыблемым канонам. «Не тревожьте спящие камни, – сказал один старик с длинной, седой бородой, когда мы проходили мимо его избы. – У них есть память. И они умеют сердиться». Мы тогда посмеялись, но его слова засели в голове.

В маршруты мы ходили, сначала переправляясь на лодке через озеро, а затем дальше отправлялись пешком в горы, пробираясь по едва заметным звериным тропам. Если говорить простым языком, то мы изучали, какими природными минералами богаты конкретные участки в данной местности.

И вот как-то раз на рассвете подплыли с напарником к удобному месту высадки: небольшой ровной площадке среди крупнокаменистой осыпи, поросшей кустарником и деревьями. Утро было сырым и холодным, от озера тянуло промозглой свежестью. Я успел продрогнуть, пока напарник на-

легал на весла, и радовался, что скоро разомнётся. Высадились, привязали лодку, взвалили на себя снаряжение и пошли вверх по склону. Мой маршрутный рабочий ушел вверх, а я чувствую, что на левой ноге сбилась портянка, нужно поправить, иначе ногу собою, и тогда всё, из работника превращусь в обузу. Я чертыхнулся сквозь зубы, проклиная свою неосторожность.

Смотрю, рядом с тропой лежит большой удобный камень-валун, темно-серый, с рыжими подпалинами лишайника. Уселся на него и начал перематывать портянку. И тут пятой точкой явственно ощутил, что камень легко так вибрирует. Не грубое дрожание земли, а тонкая, едва уловимая пульсация, будто под гранитной скорлупой бьется огромное, медленное сердце. Прикоснулся к валуну рукой и почувствовал, гудит у него что-то внутри. Низко так. Всем телом вибрация ощущается. Я перестал дышать, прислушиваясь к этому гулу. Он шёл не от земли, а из глубины, из самой сердцевины камня. Довольно необычное ощущение, кажется, что камень словно бы живой. Просто чудо какое-то! И вспомнились обрывки разговоров с местными стариками о «спящих камнях» - духах гор, которые иногда просыпаются и смотрят на мир. Тогда я считал это сказками, но сейчас эта «сказка» тихо гудела подо мной, и сомневаться в её реальности не приходилось.

Ну, я, конечно, доматал портянку, обулся, встал и тут обратил внимание, что все другие камни вокруг мокрые от

утренней росы, а этот совершенно сухой. Роса лежала вокруг него четким кругом, будто камень отталкивал не только воду, но и саму утреннюю свежесть. Я еще раз потрогал поверхность рукой, а она теплая, но валун уже не вибрировал. Тогда я снова на него присел, и он вновь начал вибрировать. Видимо, не понравилось мое присутствие, и таким образом он показывал свое недовольство. Контраст был поразителен: сел – камень ожил, встал – замер. Будто я включал и выключал каменного истукана собственным весом. «Вот это да, – пробормотал я, чувствуя, как по спине пробежали мурашки, не от холода, а от странного, почти мистического ощущения. – Чёрт возьми, староверы-то были правы».

К большому сожалению, разбираться в природе этого чуда у меня совершенно не было времени: работы было запланировано вагон и маленькая тележка, и на неё отводился чёткий временной период. В общем, пришлось отложить изучение этой удивительной аномалии на потом. Но чувство было странное, будто я упускаю не просто интересный факт, а шанс изучить что-то неизвестное.

Однако удобного случая для исследования у меня так и не появилось. Хотя мимо этого камня мы еще четыре раза проходили, поскольку маршрутов в том месте было много. И каждый раз то садились на него, то просто руками трогали, а он в ответ два раза вибрировал, а два раза – нет. Был ли он в настроении? Спал или бодрствовал? Мы шутили, что у камня свой график, но в шутках этих сквозила неловкость.

Мы, покорители недр, не могли подчинить себе простой булыжник.

Один раз под вечер возвращались до предела уставшие, измотанные, накрапывал нудный дождик, так нам показалось, что от поверхности таинственного валуна идет пар. Слабый, стелющийся дымок, словно камень дышал в промозглом воздухе, выдавая внутреннее тепло. Мы остановились, смотрели на это, и я почувствовал, как холодок пробежал по позвоночнику. Камень дышал. В прямом смысле. Пар шёл ровными, ритмичными выдохами, и я вдруг осознал: он живой. Не как метафора, а как существо.

И тут мы разглядели, что ниже камня тянется канава, складывалось впечатление, что камень упорно ползет вверх по склону, оставляя за собой хорошо различимый след. След был старым, заросшим мхом по краям, но направление его не оставляло сомнений: он вел от озера внизу прямо к нынешнему месту стоянки. Мы стояли, глядя на эту канаву, и я вдруг понял: камень полз. Не вниз, а вверх. Против силы тяжести. Это было неправильно. Это было жутко. Словно много лет назад этот валун, подчиняясь неведомому импульсу, выполз из воды и замер здесь, на страже. Это была моя последняя встреча с природным, а может быть, и нет, необычным феноменом, разгадка которого мне так и не открылась.

Провал или Четыре страшных часа из ноября

Я не раз попадал в переделки в тайге – медведь выходил на меня, лёд проваливался под ногами, буран заставлял на открытом пространстве. Но этот случай – особый. Он не про охоту. Он про время. Про то, как оно может выскользнуть из-под ног, просочиться, как вода сквозь пальцы. И оставить человека с чувством, что потерял не просто часы, а самую суть реальности.

В жизни, особенно в жизни, проведённой не в каменных джунглях, а среди бескрайних лесов, порой случаются такие удивительные события, которые не вписываются ни в какие научные труды. Их не объяснишь усталостью, выпивкой или игрой света. Они просто бывают. И, столкнувшись с таким, ты навсегда перестаёшь быть абсолютным материалистом. Ты понимаешь, что карта реальности – куда более древняя и дырявая вещь, чем мы привыкли думать. И за этими дырами что-то есть. Странное. Необъяснимое.

В общем, в жизни много чего бывает. Даже такое, что кажется – не бывает в принципе. Сiju вот, смотрю на огонь ночного костра, и вспоминается один необъяснимый случай. Дело было в ноябре 2009-го, на охоте в Куйтунском районе Иркутской области, в знакомых до боли угодьях у речки Па-

нагинка (Балаганная). Места там – родные для двоих наших ребят, они из деревни Панагино, названной в честь реки. Команда у нас серьёзная, сбитая, семь человек, давно установленных железных правил придерживаемся. Спиртное – только сто грамм на ночь, для сугреву, и только после всех дел. Так что о «пьяных видениях» речь не идёт.

Погода тогда стояла странная для ноября – тепло, сыро, первый снег небольшой, лишь жалкими пятнами лежал в тени. Помню, как пахло на местности: сыростью, гнилой листвой, мокрой землёй. Запах был густой, тягучий, словно сам воздух тек медленнее. Знаем мы в той местности один овражек, Y-образный, заросший по склонам кустарником, будто чей-то гигантский, растрескавшийся шрам на теле земли. Дно – идеальное место для загона дичи.

Оставили двоих гонщиков в начале этого «шрама» – одним из них был Панагинский, Сашка, для которого эти склоны были задним двором с детства. Сами же по дуге объехали, встали на номера. Я, как обычно, заводил. Время вышло, дал сигнал – внизу, в овраге, послышались крики загонщиков. Настроение было приподнятое, боевое. Ветерок лёгкий потянул на номера – идеально. Я стоял на номере, всматривался в склоны, и вдруг понял: крики стихли. Полная тишина. Тогда я ещё не знал, что это лишь начало.

Ждем на верху, всматриваемся в склоны. В нашей команде действует несколько строгих правил. Одно из них требует, чтобы при появлении гонщика номер громко объявлял:

«Вышел!». Это продолжается до тех пор, пока заводящий не подтвердит услышанное. После этого гонщик должен подойти к номеру и оставаться рядом с ним, пока заводящий не снимет номер. Покидать свой пост без команды – смертный грех. Прошло сорок минут после начала. В голове зашевелилась первая, холодная червячком, тревога. Я переглянулся с соседним номером. Он пожал плечами, но я видел: он тоже напрягся. Мы молчали, боясь произнести вслух то, что уже начало шевелиться в голове.

Снял номера, вывел народ к машинам у костра, а сам сел за руль и рванул к месту, где оставил ребят. Мысль была проста: скорее всего, подняли зверя, взяли его на входе, сейчас разделявают. Подъехал – никого. Пошёл по следам. Два чётких отпечатка шли по снегу, по влажной земле, по самому дну оврага, прямо к развилке. И там... обрывались. Будто ножом срезало. Дальше – голый, тёмный грунт, ни намёка на след. Я стоял, глядя на эту пустоту, и не мог поверить. Следы закончились и люди пропали. Будто они шагнули в невидимую дверь и захлопнули её за собой. Заорал – эхо пустое ответило. Вернулся к машине, давил на клаксон – только ворон с испуганным карканьем срывался с сосны.

«Ладно, – думаю, – видимо вышли на заходную тропу, пошли к костру, разминулись». Вернулся к своим, ожидавшим у костра. А гонщиков и там нет. И от костра хорошо видно ту сторону – никто не подходил. Тут уже холодный пот по спине пробежал. Не кривя душой, скажу: стало по-настоящему

страшно. Не за зверя – за своих. Худшее оказалось впереди.

Поднялась на ноги вся команда. Одного оставил возле костра. Остальные вернулись к тому месту, где следы исчезли. Встали в середине «игрека» и пошли веером, оря во всё горло. Прочесали каждый квадрат, под каждый куст заглядывали. Прошло четыре часа. Четыре часа адского, растущего как снежный ком недоумения. Двое взрослых, трезвых, опытных мужиков, один из которых знает здесь каждую кочку, растворились в воздухе. Как пар. Я видел лица своих товарищей – они были испуганными, серыми. Страх заглянул в глаза каждому. Стало смеркаться, серая мгла поползла со дна оврага, и в ней уже мерещилось всё что угодно.

Собрались у огня, лица землистые. Решали, что делать: ехать в деревню, поднимать народ на поиски? И в этот самый момент... они вышли из темноты. Спокойно, будто только что отошли на минуту. Сашка и Витя. Мы на них набросились, а они глаза округлили: «Чего орёте-то? Мы же полчаса всего».

Я схватил Сашку за плечо, встряхнул: «Какие полчаса?! Четыре часа прошло!» Он отшатнулся, посмотрел на часы, потом на нас, и я увидел в его глазах непонимание, а потом – страх. Настоящий, животный страх.

Мы их у костра усадили, чаю в руки впихнули. И они начали рассказывать. А у меня от их слов кровь в жилах начала стынуть.

«Стояли, ждали сигнала. Пошли. Кричали, шумели. Ми-

нуты через три – туман. Не с неба, а от земли встал. Белесый, плотный. Стена. Ну, думаем, испарение от сырости. Зашли в него, идём параллельно. Тишина наступила странная – свои же крики будто в вату уходят. Прошли немного, вышли... А оврага нет. Совсем. Стоим на краю ровной, уходящей вдаль равнины. Травы по пояс. Тепло. Солнце светит, но не наше, не ноябрьское – какое-то... густое, золотое. И лес по краям – не наш, не тайга. Деревья мощные, раскидистые, листья...». Витя тут же запнулся, глянул на Сашку.

«Я первым косяк заметил, – хрипло продолжил Сашка. – Сапоги. Будто на размер растянулись, начали натирать пятки дико. Присел, нарвал этой местной травы, взял листья, набил всё это под портянки, чтоб плотнее было. Трава пахнет... не нашей осенью. Сладковато. Как будто мёд с чем-то пряным смешали. Я никогда такого запаха не чувствовал»».

«Постояли, – подхватил Витя. – Ни черта не поняли. Решили –назад. Туман тот самый стеной позади нас висел. Развернулись, шагнули в него... И сразу – холод, знакомый запах хвои. И развилка перед нами. Та самая. Облегчённо выдохнули. Подумали – глюк какой-то. Пошли по своим же следам назад к заходу... А там всё истоптано, будто рота солдат маршировала. Вот тогда дрожь и взяла. Кинулись по свежим следам от колёс – и к вам».

Они смолкли. Мы сидели, ошалевшие. Я смотрел на них и не верил. Не верил, что это могло случиться с нами, с нашими, с проверенными мужиками. Но в их глазах был страх,

который не подделать. Потом Витя, кряхтя, стал снимать сапог, чтобы пластырь на мозоль наклеить. Вытряхнул из сапога охапку сухой травы и... несколько жёстких, резных листьев. Они упали на край костра. Пламя на миг сжалось, потом жадно лизнуло их.

Я вгляделся. И сердце моё просто остановилось.

– Ребята... Да вы гляньте... Это же дуб. Дубовый лист.

В костре затрещало. Все замерли. В радиусе четырёх тысяч километров дубы не растут. Точка. Не та среда. Не тот климат. Мы это все знали. Вытащить из огня не успели – листья скрутились в черный пепел. Но все видели. Это был не мираж. Это была вещественная улика, принесённая отсюда.

Витя позже померил сапоги - свои, впору. Та трава и листья занимали в них тот самый «лишний» объем.

Вот и вся история. Я иногда думаю о том овраге. Что это было? Пролом в пространстве? Время, которое завернуло за угол и показало мужикам другой ноябрь, в другом месте? Или наш мир многослоен, как пирог, и иногда, при стечении погоды, влажности, состояния души, можно провалиться в другую его прослойку? Я так и не нашёл ответа на эти вопросы.

Они потеряли там четыре часа по нашему времени. А что потеряли мы? Может, на какую-то долю секунды в том, «другом» месте, исчезли два призрака в камуфляже, испуганно орущих в странном, непахнущем тайгой лесу?

Охота - это не только про добычу. Это больше про внима-

ние. Про умение видеть, слышать и... чувствовать лес. Иногда лес отвечает. Не криком встревоженной птицы или шумом зверя. А вот таким леденящим, безмолвным вопросом, который повисает в воздухе и не даёт спать по ночам. Мы считаем себя хозяевами в тайге. Это иллюзия. Мы в ней – лишь гости. И далеко не все комнаты в этом бесконечном, тёмном доме открыты для нас. А некоторые – лучше обходить стороной.

Хиус. Полевая запись

Однажды со мной произошла странная история. Я тогда ещё не знал, что она оставит след в памяти на всю жизнь. Не страшный, не пугающий, а какой-то... зыбкий. Как слово, которое вертится на языке, но никак не вспомнится. Это был случай из тех событий, которые поначалу кажутся невероятными и заставляют задуматься о том, что происходит что-то необычное. Я даже почувствовал себя немного растерянным, пытаюсь понять, что же произошло. Но, к счастью, вскоре всё прояснилось. А случилось вот что.

Побережье Восточной Камчатки, март 2010 года. Вечерет. Дневной переход по прибрежной полосе Охотского моря выдался утомительным. За спиной осталось двадцать километров тяжелого пути на лыжах с груженными волокушами. Ноги, проваливаясь в глубокий, рыхлый наст, просили отдыха. Каждый шаг давался с усилием – лыжи скрипели, волокуши тянули плечи вниз, к земле. Я уже давно перестал считать километры, просто двигался, как заведённый, чувствуя только холод в пальцах и тяжесть в спине.

А до ближайшего населенного пункта не менее ста двадцати километров. Справа - высокая, метров в сто - сто пятьдесят, подобная крепостному валу, тянулась на необозримое расстояние высокая морская терраса, которая уходила вдаль параллельно берегу. Она была обрывистая и безжизненная.

Лишь изредка её однообразную линию нарушали широкие горловины распадков, откуда к морю спускались реки, обрамленные узкой каймой пойменного леса.

Воздух был тих, небо - подёрнуто тонкой, молочной пеленой, сквозь которую бледное мартовское солнце отбрасывало на снег длинные, неясные тени. Тишину нарушал лишь скрип лыж да далёкий, мерный гул прибоя.

Я остановился перевести дух. Снял рукавицу, вытер пот со лба – он тут же застыл на коже ледяной коркой. Ветер, почти незаметный, но колючий, пробирался под куртку. «Ещё немного, – сказал я себе. – Ещё пару километров, и можно будет разбить лагерь».

Впереди, в двух-трех километрах, виднелось устье одного распадка с более солидной речкой – идеальное место для предстоящего ночлега. Достал бинокль, дабы осмотреть предстоящий путь. И тут взгляд мой зацепился за темную движущуюся точку километрах в трёх впереди. Приглядевшись, различил фигуру человека на лыжах, а позади – нечто темное и два-три мелких пятна, мельтешивших рядом. Промысловик с собачьей упряжкой, – мелькнула первая мысль. Остановился, наблюдая. Через несколько минут фигура неожиданно свернула влево, в сторону распадка, и, словно уменьшившись в размерах, стала быстро удаляться вверх по склону, вглубь ущелья, пока окончательно не скрылась за частоколом деревьев. Собаки последовали за ним. Все вокруг вновь погрузилось в безмолвие.

«Местный, наверное, – подумал я. – Идёт к своей избе. Значит, можно будет переночевать».

Мысль о скорой ночёвке в тёплой избе, о которой, несомненной, должен позаботиться всякий местный житель в этих глухих местах, заставила меня отложить разбивку лагерь. Прибавив ходу, я преодолел разделявшее нас расстояние примерно за полчаса. Лыжи скрипели по насту, дыхание вырывалось облачками пара, а в груди теплела надежда: сейчас зайду, попрошусь на ночлег, выпью горячего чаю... Не снимая рюкзака, пересек занесенную снегом реку и углубился в пойменный лес, направляясь к тому месту на склоне, где скрылся с глаз незнакомец. Снег здесь был глубок и чист. Пройдя триста метров, я вышел к подножью ущелья – и замер в полном недоумении.

«Не может быть», – вырывалось у меня вслух. Голос мой прозвучал глухо, будто я говорил в подушку.

Никакой лыжни не было. Ни следа человека, ни следов собак – ни единого отпечатка на девственно белом, ненарушенном полотне снега, простиравшемся от самой кромки прибоя до темнеющего впереди леска. Осмотрелся кругом вправо и влево – та же картина. Ни снегопада, что мог бы замечать следы, ни сильного ветра не было, разве что легкая, едва ощутимая поземка струилась у самого наста. Я стоял, глядя на эту белоснежную пустоту, и внутри меня росло странное, липкое чувство. Не страх – нет. Что-то другое. Ощущение, что я только что увидел не то, что должно быть. Что реаль-

ность на мгновение дала сбой, а потом снова включилась, и оставила меня одного с этим вопросом. Вопросом, на который у меня не было ответа. Постояв несколько минут в немом раздумье, ощутив странную, леденящую душу тишину этих безлюдных мест, я повернул обратно, к реке. Там, в сухом лесу, я и устроил свой одинокий ночлег. Весь вечер я курил у костра, размышляя о призрачных путниках и о тех необъяснимых явлениях, о которых так часто слышишь в тайге от коренных жителей, но редко сталкиваешься сам.

Я лёг спать, но сон не шёл. Ворочался в спальнике, прислушивался к шуму прибоя и думал. И когда уже начал проваливаться в дрему, мне почудилось, что в шуме волн слышится чей-то голос. Неразборчивый, далёкий. Может быть, того самого охотника. А может, и нет.

Наутро, выглянув из палатки, я вновь увидел почти ту же картину, но в обратную сторону: к морю от ущелья двигалась уже знакомая фигура с тремя собаками. «Ага, – сказал я себе. – Не призрак. Живой человек. Сейчас всё выясню». На сей раз, не мешкая, подал сигнал выстрелом в воздух. Минут через десять ко мне подошел человек, живой, не призрачный. Плотный, коренастый, с обветренным лицом цвета мореного дуба и спокойными, внимательными глазами. Это был местный охотник-камчадал, промышлявший соболя.

Познакомились, разговорились у огня. Изба его, как я и предполагал, стояла в километре вверх по реке. На вопрос о вчерашнем происшествии он лишь усмехнулся, неторопливо

раскуривая трубку.

– Хиус, - сказал он просто, кивнув в сторону распадка. – В этих местах, батенька, с полудня и до самой ночи дует из ущелий к морю низовой ветер-поземка. Сильный, ровный, будто метлой подметает. След, оставленный даже полчаса назад, он сровняет так, что и родимая мать не признает. Вы, видеть, как раз меж ним да мной угодили. Он сзади меня шел, все и замел – и мою лыжню, и собачьи потычки, до самого леска. Не привидение я, а плоть да кровь. Хотя...- он задумчиво покосился на тёмный провал распадка, – здешние старики говаривали, что в таких распадках, при ветрах иногда нечистая сила гуляет, сбивает путников с пути. Кто их знает.

Объяснение было простым и исчерпывающим – обычное явление для местной природы, хиус. Я выдохнул. Всё встало на свои места. Логика победила, как и должно быть. И всё же, слушая мерный шум прибоя и глядя на затянутое пеленой небо над безмолвной террасой, я думал о том, как тонка порой грань между знанием и верованием, между очевидным фактом и той глубокой, первобытной тайной, которой вечно дышит великая, необъятная тайга.

Я поблагодарил охотника, и мы расстались. Он ушёл по своему пути, а я остался у остывающего костра. В голове всё ещё крутился вчерашний образ: темная фигура на лыжах, собаки, и – ни одного следа. Да, ветер. Да, хиус. Но вчера я стоял там и видел пустоту. И этот образ, эти минуту немного непонимания – они остались со мной навсегда.

Природа не спешит раскрывать все свои секреты, оставляя место для тихого удивления и смирения перед её непостижимой волей. Ветер замел следы на снегу, но в душе остался легкий, неуловимый след чего-то большего, что не объяснишь одной лишь позёмкой.

Необъяснимая аномалия, или Случай на осенней охоте

Угодья, куда я в очередной раз был приглашен на осеннюю охоту, лежат в глухой, почти не тронутой части Ярославской области. Дорога туда - это уже целое путешествие, оставляющее позади себя не только километры, но и не смолкающий шум современной жизни. Местность здесь представляет собой чередование бескрайних, чуть пожухлых уже полей, перемежающихся островами смешанного леса и глухими, заболоченными ельниками, где, кажется не ступала нога человека со времен отмены крепостного права. Воздух, чистый и прохладный, пахнет прелой листвой, грибной сыростью и далеким дымком - незримой меткой человеческого присутствия.

Сам охотничий лабаз, невысокий и скромный, был устроен на одном из двух рядом растущих одиноких деревьев, словно стражей стоявших посреди большого, уходящего к лесу поля. Высота его не превышала полутора метров от земли - ровно столько, чтобы обозревать окрестности, оставаясь незамеченным. Я занял позицию еще до заката, вооружившись карабином с прибором ночного видения. Сумерки наступали тихо и неспешно, окрашивая поля в сизые, затем лиловые, а потом и в густо-синие тона. Погода стояла

безветренная, мертвенно-спокойная, отчего всякая мелкая живность - мыши, птицы - затаились, и воцарялась та абсолютная, звенящая тишина, которая наваливается на слух почти физической тяжестью.

В таком отсутствии внешних впечатлений ум, по обыкновению, начинает вести свою собственную, неторопливую работу. Мысли текли плавно, перетекая от воспоминаний о прошлых охотах к созерцанию медленно гаснущего неба. Стемнело не полностью, в сумеречном свете еще угадывались силуэты дальних крон и неровная линия горизонта. Чтобы развеять накатывающую дремоту и проверить готовность аппаратуры, я включил ПНВ и начал неторопливый, методичный осмотр местности.

Зеленый, призрачный мир в приборе был пуст. Никакого движения ни на поле, ни в ближайших кустах не было. И вот тогда, переводя взгляд чуть левее, я заметил НЕЧТО. Прямо перед собой, метрах в шести, на высоте не более полуметра от земли, висели два ровных, идеально круглых световых пятна. Диаметр каждого был примерно с чайное блюдце. Первой, естественной мыслью было - грязь или дефект оптики. Однако, не отрываясь от окуляра, я повел стволом карабина в сторону. Пятна не сместились с места вместе с картинкой. Они оставались не подвижны в пространстве, что исключало дефект линз.

Сняв прибор, я попытался разглядеть что-либо невооруженным глазом в сгущающихся сумерках. Ничего. Тьма бы-

ла однородной и непроглядной. Протерев линзы на всякий случай и вновь прильнув к прибору, я увидел ту же картину: два холодных, безжизненных круга, висящих в пустоте. Светляки? Ночные бабочки? - рассуждал я внутренне, стараясь сохранять хладнокровное самообладание исследователя. Но размер и интенсивность свечения не соответствовали насекомым. Да и поведение.... Я упустил момент их появления. Но потом меня не оставляло ощущение что меня рассматривают, изучают. Но с какой целью? И кто? Или что? А вдруг, это охотник, для которого я добыча? Меня передернуло от такой мысли, и указательный палец машинально лег на курок.

Я заставил себя продолжить наблюдение. И вот... почти неуловимо оба круга пришли в движение. Они двигались не рывками, а неестественно плавной равномерностью, словно скользили по невидимым рельсам, строго параллельно земле. Один шел чуть впереди и выше другого. Ветер, - сразу подумал я. Но, бросив взгляд на верхушки высохшей травы, понял: лёгкий, едва ощутимый ветерок тянул, но в совершенно противоположную сторону. Я зафиксировал это противоречие. И тогда странные объекты стали вести себя неожиданно пугающе: передний круг, не меняя траектории, начал медленно набирать высоту и чуть ускорился, в то время как второй продолжал своё прежнее движение. Оба - против ветра и против всех известных мне законов полёта живых существ.

Просидев в наблюдении еще с полчаса, пока объекты не

скрылись в темноте за деревьями, я сделал в памяти лаконичную запись, отметив время, направление и характер движения. Внутреннее спокойствие, диктуемое научным подходом, было поколеблено смутным, глубоким беспокойством. Хорошо, что я не стал добычей, но был свидетелем явления, для которого не находилось не только объяснения, но и подходящих категорий.

На базе, в натопленной избе, за кружкой крепкого чай, я поделился своими наблюдениями с местными охотниками - людьми суровыми, практичными, кровно сродненными с этой землёй. Рассказал сухо, без прикрас, как о погоде или следе зверя. Выслушали они меня внимательно, без тени насмешки либо недоверия. Старший из них, седой как лунь Василий Петрович, медленно раскурил трубку, выпустил клуб дыма, и потом кивнул:

– Видали. Не раз. Не в прицел, так просто - огоньки в болоте, тени меж сосен без человека, слышали вой, но не от волка... Место тут особенное.

– А чем же оно особенное? - поинтересовался я.

– Деревня тут раньше была, – пояснил другой мужик, по имени Антон. – Еще до войны. Жили тут люди. Потом ... война. Не все вернулись. А потом жизнь тут захирела, выжившие разъехались. А место... оно помнит. Не упокоено тут.

Василий Петрович, стукнув трубкой о печку, добавил:

– Души, што ль, или отзвук – кто их знает. Только живое так не ходит. Ты прибором уловил то, что нам и так ведомо:

тут не всё ладно. Ты охоться, конечно, но зря по ночам один не шлейся. Пропадают здесь люди. Бесследно.

Местные приняли мою историю как нечто само собой разумеющееся, как факт местной географии, и за вечер нагрузили меня целым сводом подобных случаев - от блуждающих огней до внезапного чувства панического ужаса на определённых территориях. Их объяснения в основном сводились к «неуспокоенным душам» покинутой деревни. Я как естествоиспытатель, не мог принять их за окончательную истину.

Тайга - и даже её окраины, вроде этих ярославских угодий - хранит в себе не только зверей и птиц. Она хранит память. Память геологическую, биологическую, человеческую. Иногда, при стечении особых условий - состояния атмосферы, фазы луны, психофизического настроения наблюдателя - эта память может проявляться в формах, не поддающихся простому измерению. Я видел не «призраков» в бытовом смысле. Я, вероятно, стал свидетелем некоей природной записи, энергетического отпечатка, который прибор ночного видения, это дитя технологий, сумел уловить и представить моему глазу в виде тех самых двух безжизненных кругов.

Местные жители, чья жизнь неотделима от духа места, интерпретируют это через категории душ и неуспокоенности. Учёный же должен пока лишь скрупулёзно зафиксировать факт, не навязывая для него готовых трактовок. Одно не отрицает другого. И то, и другое говорит об одном: есть в мире вещи, лежащие за гранью нашего привычного понимания,

порой эта грань проходит не где-то там, в далёких гималайских монастырях, а здесь, на знакомом охотничьем лабазе, в тишине наступающей осенней ночи. Охота в этих местах - занятие не только за зверем. Порой она невольно становится охотой за призраками прошлого, за тайнами, которые земля не спешит раскрывать, а лишь приоткрывает на мгновение, чтобы напомнить: наша карта реальности - ещё далеко не полная.

Таинственный радио-сеанс в глухомани

Был в моей жизни один весьма необычный случай, который произошел посреди зимней тайги, в дремучей глухомани на границе Томской области и Красноярского края. Места эти – не край света, а нечто большее: его забытая всеми богом кладовая, где пространство, кажется, сжалось от холода и застыло в вечном ожидании.

На дворе стоял ноябрь 2014 года. Ноябрь в Сибири – не осень. Это уже зима, чёрная и безжалостная. Дни угасают, как тлеющий уголёк, а ночи наливаются сине-стальной, абсолютной чернотой. Я с раннего утра отправился в соседний район за сосновым кругляком на фуре-длинномере. Мой «КамАЗ», выдавший виды, кряхтел и стонал, будто жалуясь на судьбу, что заносит его в такую даль. Мой путь пролегал по старой лесовозной дороге, которая упорно продиралась сквозь вековую сибирскую тайгу. Это был шрам, нанесённый на тело тайги много лет назад, так и не зажившим. Дорога была довольно тяжелая, заснеженная, местами встречались завалы: получалось двигаться в основном со скоростью 10-20 километров в час. Каждый километр давался с боем. Колёса буксовали в рыхлой снежной каше, раскачивая многотонную махину, а в кабине пахло соляркой, табачным

дымом, и одиночеством. Короткий зимний тусклый денёк быстро отсчитал свои прохладные часы, уже скоро на тайгу должны были опуститься сиреневые сумерки, а мне засветло удалось проехать всего 200 километров.

Места там безлюдные, вокруг на десятки километров никаких населенных пунктов - нет. За весь день ни одной живой души не встретил, лишь на белоснежном покрывале виднелись цепочки звериных следов, которые порой рисовали замысловатые узоры. Лисьи строчки, заячьи петли, аккуратные строчки горностая – единственные новости этой безлюдной глуши. Читая их, понимаешь, что ты здесь не просто одинок, ты – чужеродное тело, громко ползущее по тихому миру.

Долгая езда в одиночестве изрядно утомляет. Мысли становятся вязкими, монотонными, как стук двигателя. Мечтаешь не о роскоши, а о простом человеческом тепле: хочется поскорее приехать на место, плотненько поужинать, лечь в уютную кровать, как следует отдохнуть. А вместе с тем, до ближайшего жилого поселения было более сорока километров.

Правда, недалеко располагался небольшой вахтовый поселок лесозаготовителей. Хотя поселок – это громко сказано, на самом деле - всего несколько бараков и производственных строений. Опустел более четверти века назад, ещё в конце 80-х годов. Забросили в спешке, будто отступая под натиском самой тайги, которая теперь медленно, но верно воз-

вращала своё: крыши проваливались, стекла выбиты чьей-то давней тоской или камнями ветра, а от стен несло холодом забвения. И сейчас посреди зарослей густого подлеска чернели полуразрушенные здания.

До заброшки оставалось проехать примерно, полкилометра. И тут я начал вызывать по радиии хоть кого-нибудь! Вышел в радиоэфир от нечего делать, без всякой надежды на ответ, ведь места здесь пустынные. Голос мой в микрофоне звучал одиноко. «Приём, приём... Кто в эфире?» Тишина в ответ была густой, всепоглощающей. Я уже было опустил руку с тангентой...

Но, вдруг испытал большое изумление, когда мне ответил голос! Чёткий, мужской, без намёка на помехи, будто говорящий стоял рядом. Он сообщил, что это рация базы лесозаготовителей! «База на связи. Кто вызывает?» – прозвучало в динамике. В голосе не было ни удивления, ни вопроса – лишь привычная, служебная готовность. Потом в наше общение кто-то вклинился, некоторое время в эфире шли переговоры между несколькими людьми, но сквозь треск мне почти не удалось разобрать слов. Ловил обрывки: «...бригада с десятого...», «...солярку подвезли...», смех, чей-то вопрос: «Баньку-то протопили, мужики?» Живые, повседневные голоса. Одно точно понял – банька натоплена.

Удивился, когда это успели восстановить базу? Мне об это ничего не было известно. Но, тем не менее, обрадовался этой новости. Наконец-то можно сделать остановку. Погреться в

бане, перекусить, отдохнуть. В воображении сразу вспыхнули приятные картины: парная, дощатые полки, запах веника, шум самовара и бородатые лица таких же, как я, усталых работяг. Спасение. Оазис среди мороза и снегов.

В приятном предвкушении подъехал к базе, но не обнаружил там ни единого признака возобновления жизнедеятельности. Ни огня, ни дыма из труб, ни свежих следов машин или снегохода. Только мои фары, как два жёлтых, недоумевающих глаза, ползали по облупленным стенам. Безлюдные старые, серые здания без окон. Дверные проёмы зияли чёрными провалами, словно кричали беззвучно. Походил между развалин. Снег лежал девственным, пушистым саваном, не тронутым ногой. Только мои сапоги хрустели, нарушая мёртвую тишину. Покричал. «Эй, мужики!» – отозвалось эхо от дальнего барака, одинокое и насмешливое. Вернулся в машину, посигналил. Гудок прорвался в тишину резким, одиноким воплем и замер, поглощённый тайгой. В ответ глухая тишина. Некоторое время вызывал по рации базу лесозаготовителей. Безрезультатно. Эфир был мёртв. Только статический треск, похожий на шепот далёких звёзд.

Постоял, подождал, покурил. Мне стало холодно не снаружи, а изнутри. От осознания. Весьма озадаченный произошедшим, отправился дальше в нелегкий путь. До ближайшего жилого поселения было более сорока километров. Всё это время размышлял над случившимся. Рация в моей машине была слабенькая, радиус действия не более 1.5 километров.

Поэтому меня могли услышать и ответить только из заброшенного поселка лесозаготовителей. Других баз поблизости - не было и нет. Логика билась об ледяную стену фактов: голоса были. Помех почти не было. Значит, источник – близко. Но по факту источника – нет.

Землю покрывал глубокий снежный покров, но на нём никаких следов до и после поселка - не было. На заброшке я находился более 10 минут. Если бы кто-то ехал следом за мной с рацией, то за это время показался бы на дороге. Уже опустились сумерки, поэтому свет фар было бы хорошо видно издали. Однако за мной никто не ехал, спустя сутки я возвращался с грузом тем же путем, и кроме следов моей машины, других не обнаружил. Мои вчерашние колеи уже начал замечать позёмок, и они были единственной нитью, связывающей это место с живым миром.

С кем я общался по рации? До сих пор не пойму! Есть одна версия – радио-сеанс был между настоящим и прошлым. Но это же невероятно. Или нет? Может мой сигнал, случайно попав на нужную, забытую всеми частоту, мог стать ключом, на мгновение отпирающим дверь в тот ноябрь, когда банька была натоплена, а бригада с десятого участка ждала своей очереди попариться. Они не слышали меня из прошлого. Это я слышал их.

Рассказ написан по мотивам истории, которой поделился читатель с ником ноль.

Тайна загадочной заводи

Окружающий нас мир прекрасен и огромен, и человечеству предстоит еще долго, упорно его изучать. Несколько опрометчиво представлять, что нам всё уже хорошо известно на матушке-Земле. Я по профессии геолог, полевик с почти двадцатилетним стажем, еще в советские времена много где хаживала, в том числе и в удаленных местах Сибири. И хорошо знаю, что во время экспедиции по малоисследованной глухомани может случиться всё, что угодно. Потому что там, где кончаются карты, начинаются иные картографии – составленные ветром, звериными тропами и тихими голосами старой земли.

А ходила я тогда без средств связи, всегда с надежным охотничьим ножом, часто с оружием, но без особых приспособлений. В новые, постперестроечные времена геологам уже стволы не выдавали. Правда, при мне всегда было другое оружие – геологический молоток, с крепкой деревянной рукояткой и железякой под килограмм весом. В средние века чем-то похожим орудовали против рыцарей. Я предполагала, что при определённых обстоятельствах и удачном раскладе он может пригодиться для защиты от агрессивного животного. Но это лишь было для меня как самоуспокоение, ведь прекрасно понимала вероятность исхода поединка, особенно с медведем или стаей волков. Но раз шанс есть, то уже

немного было поспокойней. В этом был весь смысл нашего брата-полевика: не иллюзия абсолютной безопасности, а трезвая оценка риска и опора на собственные руки, ноги, голову. Наука - наукой, но в тайге последняя инстанция - это твоя собственная воля к жизни, закалённая, как сталь молотка.

Порой с ностальгией размышляя о годах, проведенных в экспедициях, сама себе удивляюсь, какая же по молодости бесстрашная была. Предпочитала ходить в одиночные маршруты, хотя во время них порой случались разные непредвиденности, в том числе опасные. Однако мне везло, всегда выносили ноги, опыт и, конечно же, госпожа Удача. Но, видимо, она выносила не всех, кто-то, к сожалению, навечно уходит в маршрут. Тайга, горы, болота - это не парк культуры и развлечений, вариантов сгинуть в глухомани, в том числе бесследно, больше чем много. Исчезновения бывали разными. Кого-то со временем находили. Но, не всех...

Сейчас, на пенсионном «покое», часто вспоминаю разные случаи из своей полевой жизни. Как уставший геолог в жаркий полдень из прохладного родника с наслаждением пьёт, стараясь утолить жажду чистой водой, так и я припадаю к бездонному озеру своей памяти. С головой погружаюсь в прошлое, перебирая его с улыбкой, лёгкой грустью и волнительной тревогой. С высоты прожитых лет понимаю, как часто бывала на волосок от гибели. Однако мой оптимизм, умение находить выход из сложных ситуаций, вера в себя, а

также интуиция всегда помогали выбраться из любых трудностей.

Жизнь в полевых условиях была интересной и насыщенной разными событиями. Такую жизнь по-настоящему может понять только тот, кто там был. А вообще, каждый выход в маршрут – это всегда отдельная история. Нам, таёжным ходокам, работагам, копателям, есть о чём помолчать и о чём рассказать.

Уверена, интересные истории про удивительные события хранятся в арсенале памяти у всех геологов, геофизиков, буровиков и прочих людей, работавших в тайге, тундре, в горах Саян, Урала, Памира и вообще всех, кто связал свою жизнь с такими нелегкими профессиями. За годы экспедиций услышала много историй, в том числе мистических, потусторонних. Чаще всего от представителей коренных народностей (оленеводов, охотников, проводников) да рабочих, которых нанимали на сезон из числа местных жителей. От них же впервые услышала и о «заблудившихся» местах, где странство может сыграть с путником злую шутку, и о древних духах-хозяевах, не терпящих шума. В мистику, леших, разных духов местности никогда не верила, все-таки высшее профильное образование. Однако в моей полевой жизни было несколько случаев, которые я не могу объяснить с точки зрения логики. Позвольте рассказать об одном из них. Более сорока лет уже минуло, но до сих пор осталось неприятное чувство неосознанной тревоги и сильное желание по-

нять, что же это было.

Это случилось в 1983 году во время очередной геологической экспедиции, проходившей в Каларском районе Забайкальского края, на Лонгдорском поднятии, где преобладают горные вершины и хребты высотой от 1500-2000 метров над уровнем моря. Это край суровых гольцов, где ветер гудит в скальных цирках, как в гигантских флейтах, и кажется, будто само время, замешанное на вечной мерзлоте и древних породах, здесь течет тяжелее и медленнее. Каларский район богат месторождениями полезных ископаемых, а мы, если говорить простым языком, проводили исследования на предмет, какими природными минералами богаты определенные участки в этой местности.

Сезон отработали в районе двух разно уровневых озер - Верхний и Нижний Емняк. Озера карового происхождения, вмещающие талые воды от ледников, снежников, атмосферную влагу. Верхнее озеро дает начало для одноименной реки Емняк, впадающей в Нижнее озеро, а далее в реку Богаюта. И вот на левом берегу этой горной реки со мной произошло что-то невероятное, необъяснимое с научной точки зрения.

Для того чтобы вы могли представить картину произошедшего, кратко опишу местность, где всё это случилось, а также дам важные пояснения. Река Емняк быстротечная, порожистая, извилистая, с холодной водой цвета бирюзы. По берегам, вокруг, куда ни посмотри, горные склоны, скальные останцы, утёсы с отвесными стенами. Гольцы чередуют-

ся с предгольцевым редколесьем, деревья которого не образуют сомкнутого пространства. Среди каменных россыпей встречаются довольно обширные места, заросшие кедровым стлаником, лиственничником, редкостойным низкорослым лесом с подлеском из ерников. Иногда попадаются невысокие сосны. Карликовые, скрюченные ветрами, они крепко цеплялись за жизнь на камнях, и глядя на них, понимаешь суть слова «выживать».

Помню, как мои сапоги то и дело цеплялись за корни, а ветки хлестали по лицу. Я, бывало, ругалась вполголоса, вытирая солёный пот со лба, но шла дальше, потому что маршрут – он как долг: не выполнишь, потом совесть замучает. За сезон я много раз прошла маршрутами вдоль берегов этой реки от верхнего к нижнему озеру и обратно, поэтому местность знала хорошо. Уже после первого выхода стало понятно, что двигаться вдоль русла довольно долго и весьма проблематично: повсюду нагромождения валунов, остроугольных глыб, притащенных ледником, скопления камней, гальки, стволов вырванных деревьев, принесенных и отложенных бурными водными потоками. В любой момент можно подвернуть, еще хуже – сломать ногу, и тогда – всё. Даже при благоприятном раскладе, как минимум, часть, а то и весь сезон коту под самые Фаберже.

Поэтому я ходила над речными берегами выше метров на двести-четыре, через редколесье по еле заметным звериным тропам, проложенным косулями, кабаргой, кабанами.

Здесь в подлеске попадались брусника, багульник, иногда таволга. А под ногами лежала мягкая подстилка из опавших листьев и хвои. Пахло сыростью, грибной прелью и чем-то горьким - может, самой вечностью этих камней. Хотя и здесь надо постоянно смотреть под ноги, ведь в любой момент можно провалиться в ямку, небольшую расщелину, скрытую слоем мха.

С такой высоты открывались красивые пейзажи, и в первую очередь на реку, хорошо были виды ее плавные изгибы, крутые повороты. Нам, таёжным ходокам, редко удаётся насладиться красотой уникальной природы, на это банально не бывает времени. Геологу, идущему маршрутом по камням, бурелому, некогда любоваться красотами, он там не беззаботный турист, ему важно сосредоточиться на дороге, чтобы ногу не сломать или шею не свернуть, а мысли, как правило, забиты работой, поскольку каждый день сезона расписан по часам, профукал несколько минут - не сделал дело.

То лето было дождливым и прохладным, в июле днем средняя температура поднималась до 12–14 градусов, а ночами опускалась до минус двух, хотя ощущалось значительно холоднее. Холод въедался в тело, несмотря на одежду, и казалось, что даже солнце здесь светит без тепла, лишь как бледная лампа на свинцовом потолке неба. Пальцы немели, даже в рукавицах, а ветер пронизывал до костей, особенно на перевалах. Я застёгивала штормовку до самого горла, но холод всё равно находил лазейку, заползал за воротник и

щипал шею. Вот и в тот день, когда приключилась странная невероятность, было холодно, пасмурно. Наполненные влагой облака висели низко, скрывая вершины ближайших гор. Мне даже показалось, что нахожусь на дне огромного котла, накрытого плотной серой крышкой. Под вечер я возвращалась из очень тяжелого маршрута, до того физически вымоталась, что еле держалась на ногах. Каждый шаг давался с трудом: ноги гудели, плечи ныли от лямок рюкзака, в голове вертелись одни и те же тревожные мысли – успею ли до темноты, хватит ли сил. А до нашего лагеря топать еще минимум полтора часа. Бреду, погруженная в свои мысли, настроение – пасмурное. На автомате смотрю под ноги, а там всё как обычно: пожухлая слежавшаяся прошлогодняя листва, зелёный мох.

И в этот момент что-то случилось. Это было тихо. Беззвучный щелчок, которого не слышно ушами, но чувствуешь всем существом, будто в воздухе лопнула невидимая пленка. Я застыла, как вкопанная, пытаюсь понять, что именно изменилось. А изменилось всё. Теперь под ногами не зелёный мох, а толстый слой сухих сосновых иголок, древесной коры. Воздух потерял привычную влажную тяжесть. Он стал сухим, прозрачным и... тёплым. Не просто теплее, а по-летнему жарким. Посмотрела вперед и поняла, что внезапно оказалась на небольшой прогалине, буквально залитой солнечным светом. Машинально подняла глаза, а надо мной бездонное синее небо, низких дождевых облаков как не быва-

ло, перевела взгляд влево на запад и успела заметить яркий диск солнца, который коснулся вершины хребта. Но тут же словив солнечных зайчиков, зажмурилась, замерла, стою и чувствую, как солнце прогревает мое уставшее тело, быстро наполняя его живительной энергией. Я даже руки раскинула в сторону от удовольствия, стала блаженно улыбаться. «Эх, хорошо-то как...» – пронеслось в голове, и я почти забыла, где нахожусь и что за минуту до этого еле тащила ноги. Вскоре поняла, что температура воздуха значительно повысилась, градусов до тридцати. Стало жарко, я даже расстегнула штормовку. Забеспокоилась, это что еще за фокусы!?

Благодарно отвернулась и только потом открыла глаза. Вижу на склоне в нескольких шагах от себя длинную прямую тень. Скольжу по ней взглядом, пока не упираюсь в ствол огромного дерева несколько метров в обхвате. Далее взгляд устремляется по стволу, обросшему лишайником, вверх, и я понимаю, что передо мной сорокаметровая многовековая сосна, с ветвей которой свисают космы растения, похожего на кладонию. Сосна стояла, как исполинский часовой, и от неё веяло не просто возрастом, а иным временем, другой эпохой, когда эти горы были моложе. Недоумеваю, это откуда же здесь такой лесной великан, как это раньше не заметила его? Ведь он, как Останкинская телебашня над Москвой, должен возвышаться здесь над низким редколесьем! Оглядываюсь назад, откуда пришла, а редколесья нет, там высятся такие же гиганты. Смотрю вперед - и там такие же. Лес

стоял стеной. Глухой, могучий, первозданный. «Мать честная...» – вырвалось у меня вслух, и эхо, странно искажённое, повторило мои слова, только с опозданием. Я, пребывая в тихом шоке, смотрю на реку, и там тоже вижу изменения: русло явно сместилось, приблизившись метров на сто к лесному массиву.

Мне стало не по себе, как-то неуютно, идти по невесть откуда взявшемуся лесу с гигантскими соснами желания не появилось. Инстинкт, куда более древний, чем геологическое образование, тихо шептал: «Уходи». И я послушалась: развернулась и зашагала вниз к реке. Когда спустилась, пошла по каменистому берегу, всё время озираясь. Вскоре вышла к ранее неизвестной замечательной заводи, окруженной скалами с небольшим водопадом в конце. Водоём размерами примерно метров сорок на пятнадцать, глубиной не более полутора метров, и то под водопадом, а так в среднем где-то по пояс будет. Этакая природная купель с бирюзовой водой.

Я остановилась, перевела дыхание. Вода в заводи была не просто голубой – она светилась изнутри, будто в ней растворили кусочки неба. Камни на дне казались тёплыми и гладкими.

Спустилась по камням к урезу, потрогала поверхность, а водица приятная, совсем не студёная, как в быстрой реке, видимо, за день успевает прогреться. На фоне приятной свежести почувствовала неприятный запах пропотевшего тела, остро аммиачное амбре грязной одежды, и тут же захотелось

телесной чистоты. Конечно, в нашем лагере имелась хорошая баня, замечательно снимавшая усталость с натруженных телес. Но, испытать блаженство в природной купели, это другое. Появилась мысль задержаться здесь, обнажиться до наряда библейской Евы и вдоволь искупаться.

Я уже стянула с себя штормовку, но что-то остановило меня. Я замерла, прислушиваясь. А тишина вокруг была такой плотной, что я слышала, как кровь стучит в висках. И в этой тишине мне почудилось, что кто-то – не злой, но очень внимательный – наблюдает за мной с той стороны водопада.

Пока размышляя, боролась с искушением, заходящее солнце скрылось за горным хребтом, и тут же стало сумеречно. Скоро стемнеет. А ночи в горах наступают стремительно, опускается такая непроглядная, холодная тьма, что на камнях, сам черт ноги переломает. Надо скорее выдвигаться в лагерь. Быстренько умылась, сделала несколько глотков, и вода показалась не просто вкусной, а живой, насыщенной какой-то странной свежестью. Удивилась, да двинулась в путь.

Пока добиралась, размышляла над странностями произошедшего. Чем объяснить стремительное изменение погоды? Откуда взялись на месте низкого редколесья вековые сосны-великаны, а на реке чудесная заводь? Хотя не в первый раз иду вдоль этой реки, но никогда раньше не видела и даже не подозревала об их существовании.

«А может, это галлюцинация? – думала я, шагая по камням. – Усталость, переутомление, и мозг подsunул мне та-

кую яркую галлюцинацию». Но тогда почему так отчётливо помню тепло, запах, вкус воды?

Еще одна странность, которая тревожила меня в тот момент, - это полнейшая тишина в том месте. Живой лес всегда наполнен различными звуками: шум ветра в ветвях, днем - пение птиц, жужжание насекомых. Здесь же стояла полнейшая, немая тишина. Не было слышно столь раздражающего писка комаров, который только порадовал бы меня. Если возле заводи раздавались какие-то звуки, будь то шум падающих с вершины водопада струй воды либо мои шаги по камням, то казалось, что они растворяются в пространстве, словно в тумане или вате. Эта тишина была не отсутствием звука, а его поглощением. Как будто само пространство было иным, плотным, не пропускающим вибрации мира. Тем не менее, я решила при случае сходить туда, искупаться в природной купели.

И такой случай выпал несколько дней спустя, когда меня вновь отправили с заданием по маршруту вдоль реки. Пройдя расстояние значительно больше, чем тем вечером, но сосен-великанов, да и ничего подобного этой заводи не нашла. Вообще. И, судя по рельефу, такого водопада и заводи не могло быть в принципе. Я обошла берег вдоль и поперёк, заглянула в каждую расщелину между скал, но вместо бирюзовой воды меня встречали лишь серые камни и холодный ветер. Создавалось впечатление, что это странное место просто вырезали из реальности, как кусок из старой карты.

Так я и не поняла, где умывалась и пила вкусную воду.

Хорошо, что я никому в лагере не рассказала об этом происшествии. Постоянные члены экспедиции, зная мое неприятие любой мистики, на смех бы меня подняли, мол, наша геологиня перетрудилась, либо чая с багульником напилась, вот и мерещится разная чертовщина. Знаю я их, им только дай повод позубоскалить. Да и сама в какой-то момент была готова посмеяться над собой, но внутри, где-то глубоко, засела ледяная крупница уверенности: то, что я видела, было настоящим, просто оно не вписывалось в их картину мира, а моя картина треснула.

Конечно, потом неоднократно размышляла о том, что случилось на берегу реки Емняк. Я человек рационально мыслящий, привыкший опираться на здравый смысл и факты, но так и не смогла найти логичного объяснения произошедшему. Просто признала: то, чему стала свидетелем, мне неизвестно, находится за границами моих знаний. И это признание далось труднее, чем любой отчет о проделанной работе. Легче признать своё невежество, чем то, что мир вокруг нас гораздо сложнее, чем мы привыкли думать.

Гипотетический вариант появился лишь спустя четверть века, в эпоху развития информационных технологий, Интернета. На различных сайтах стала попадаться информация о пространственно-временных аномалиях, которые позволяют осуществить перемещение в прошлое через предполагаемые «кротовые норы», гипотетически допускаемые об-

щей теорией относительности. А ещё - о «геопатогенных зонах», где нестабильность земной коры якобы рождает странные эффекты, и о теориях, что пространство может «запоминать» мощные события, как фотоплёнка, и даже иногда «проявлять» их. И вот тогда задумалась, а что, если летом 1983 года я попала в такую аномалию? Не в прошлое, может быть. А в карман параллельной реальности, в «слепок» местности из другой временной линии, где ледник отступил иначе или человек не прошёл с топором? И не только я одна, но и те геологи, которые в разных регионах бесследно ушли в маршрут? Страшно даже представить, что со мной могло случиться, если бы тогда задержалась возле той манящей, но несуществующей в нашем времени речной заводи...

Послесловие от автора рассказа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.